

Плѣняли пыкіе умы,
 Всегда лежавшіе на печкѣ...
 Мы, въ разговорѣ дѣловомъ
 Прошедши въ бродъ еще двѣ рѣчки,
 Къ *Внезапной* крѣпости тишкомъ
 Пришли внезапно вечеромъ...
 Вотъ здѣсь—и точка съ запятою...
 Я долженъ тонъ перемѣнить
 И, какъ поэтъ отважный, вдвое
 Серьезнѣй дѣло пояснить.
 Итакъ, принявши тонъ серьезный,
 Скажу вамъ такъ: когда изъ Грозной
 Пошли мы, грѣшные, въ походъ,
 То и не думали, не знали,
 Куда судьба насъ заведетъ.
 Иные съ клятвой утверждали,
 Что мы идемъ на смертный бой
 Въ аулъ чеченскій не мирной;
 Другіе, впятеро умнѣе
 И на сужденіе поскромнѣе,
 Шептали всѣмъ, понизя тонъ,
 Что нашъ второй баталіонъ
 Былъ за Андреевской нещадно
 Толпою горцевъ окруженъ.
 Всѣ пѣли складно, да не ладно...
 Одинъ походъ могъ доказать,
 Какъ хорошо умѣютъ врать.
 Замѣчу здѣсь: всѣ офицеры
 Конечно знали напередъ
 Вѣрнѣе, нежели мушкеры,
 Куда судьба ихъ заведетъ;
 Но знали такъ, какъ думать должно,
 Не для другихъ, а для себя,—
 Итакъ, рассказовъ не любя,
 Хранили тайну осторожно.
 Теперь къ *Внезапной* подходя,
 Засуетились всѣ безбожно:
 «Да гдѣ-жъ второй нашъ баталіонъ?
 Вѣдь, говорятъ, въ осадѣ онъ».
 — Э, вздоръ! нагали объ осадѣ,—
 Онъ здѣсь съ Бутырцами стоитъ;
 Смотрите, ежели въ парадѣ
 Онъ насъ принять не поспѣшитъ.—

